

Психология: за 500 лет до Миллениума (анализ текущих событий)¹

Мазиллов Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопроса о перспективах психологии как науки. Оспаривается мнение, согласно которому психология не представляет собой единой науки, а являет собой набор практически несообщающихся между собой дисциплин. В статье отстаивается мнение, что психология является фундаментальной научной дисциплиной, у нее прекрасное будущее. Она находится в начале своего становления фундаментальной наукой. В статье подвергается сомнению традиционный вывод, согласно которому психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX столетия. Высказывается тезис, что психология еще не стала самостоятельной наукой. Эта цель еще не достигнута. В статье анализируются условия и первые шаги на этом пути. Анализируется проблема предмета психологии. Предлагается трактовка предмета как внутреннего мира человека. Прослеживаются преимущества такого подхода. Первый шаг, который необходимо сделать, состоит в пересмотре трактовки предмета науки. В работе предлагается трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, анализируются преимущества такого подхода. Утверждается, что трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека позволяет решить многие проблемы, накопившиеся в общей психологии.

Ключевые слова: психология, будущее, развитие психологии, единство, фундаментальная наука, предмет, внутренний мир.

Psychology: 500 years before the millennium (analysis of current events)

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

¹ Работа выполнена в соответствии с государственным заданием № 25.8407.2017/8.9.

Abstract. The article is devoted to the discussion of the prospects of psychology as a science. The author argued with the opinion, according to which psychology does not represent a single science, but is a set of practically non-communicating disciplines. The article defends the view that psychology is a fundamental scientific discipline, it has a beautiful future. It is at the beginning of its becoming a fundamental science. In the article, the traditional conclusion, according to which psychology became an independent science in the second half of the nineteenth century, is questioned. It is argued that psychology has not yet become an independent science. This goal has not been achieved yet. The article analyzes the conditions and the first steps along this path. The problem of the subject matter of psychology is analyzed. The interpretation of the subject matter as the inner world of man is offered. The advantages of this approach are traced. The first step to be taken is to revise the interpretation of the subject matter of science. The paper suggests the treatment of the subject matter of psychology as the inner world of man, the advantages of this approach are analyzed. It is argued that the treatment of the subject matter of psychology as the inner world of man allows solving many problems accumulated in general psychology.

Keywords: psychology, future, development of psychology, unity, fundamental science, subject, inner world

В 2014 году прошла довольно необычная конференция, сразу привлекавшая мое внимание. Было понятно, что она задумана людьми, бескорыстно любящими науку, поскольку явно не предполагалось внедрения, продвижения и распространения каких-либо определенных идей... Она была посвящена важному рубежу: 500-летию изобретения термина психология. Примечательно, что за точку отсчета была взята «правильная» дата – автором исторического свершения был признан Марко Марулич (1450-1526), действительный «первооткрыватель» замечательного термина. И место проведения конференции было необычным – город Черногорск на берегу Енисея в Хакасии, неподалеку от Саяно-Шушенской ГЭС. Как я понимаю, первоначально желающих принять участие в конференции было совсем немного, и это не особенно удивляет, так как вопросы истории психологии в российской психологической науке, мягко говоря, не очень популярны. Однако сроки проведения конференции были продлены, в итоге она даже стала достаточно популярной, а сегодня мы подводим ее итоги.

Прежде всего, отметим, что конференция эта явно особая. Ее особенность в том, что она «рубежная», то есть она посвящена достижению определенного рубежа, отметки, даты... Это важный момент, который часто полностью не осознается. Как представляется, замечательно это выразил выдающийся драматург, слова которого будут приведены чуть ниже. Юбилеи настраивают на определенный лад. Прелесть юбилея состоит в том, что с какой-то «круглой»

датой связаны некие события, стимулирующие позитивные эмоции: ожидание этой даты вызывает определенные надежды. Достижение даты это достижение рубежа, а за ним - новое время. В отличие от персонального юбилея в этом случае нет «узаконенных преувеличений», это честные размышления и правдивые оценки. Как прекрасно сказал об этом Бертольд Брехт: «Всем известно, какое благотворное влияние может оказать на людей убеждение, что они стоят на пороге нового времени. Тогда им кажется, что окружающий мир еще далеко не закончен, способен на самые отрадные улучшения, полон неожиданных и ожидаемых возможностей, словом, что податливый сырой материал в их руках. Сами они чувствуют себя как утром: отдохнувшими, сильными, изобретательными. Прежняя вера называется суеверием, то, что еще вчера представлялось бесспорным, изучается заново. Нами управляли, говорят люди, а теперь будем управлять мы» [5, С. 8].

Примем в расчет этот духоподъемный момент, кроме того отметим, что рубеж стимулирует ретро- и, особенно, проактивные размышления и экспектации. Нашей психологии это явно будет кстати, поскольку дефицит размышлений как о прошлом, так и о будущем психологии в общем имеет место. Представляется, что вообще мы до сих пор плохо осознаем механизмы движения к будущему и, более того, не используем возможности воздействия на это будущее. Завоеванием психологической мысли XX столетия явилось то, что произошло существенное продвижение в понимании детерминации: не только прошлое влияет на настоящее, но и будущее – через механизмы целеполагания – программирует настоящее. Рубежные даты, таким образом, являются не только символическими моментами, но и могут при определенных условиях влиять на сам ход исторических процессов.

Итак, воспользуемся спецификой момента и зададим вопрос: что психология собой представляет и каков ее текущий статус?

Если бы провести опрос представителей научного психологического сообщества, наверняка, часть ответов содержала бы указание на то, что психология находится в кризисе. Психологи очень любят этот термин и охотно его употребляют в разных контекстах.

Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта, и, напротив, сохраняет актуальность. Это, как представляется, дает некоторые основания для того, чтобы высказать суждения на этот счет. Поскольку уже приходилось писать о кризисе в психологии [13; 14; 15; 16], остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы, на тех, которые стали наиболее важными в свете недавних дискуссий по этой тематике.

В самое последнее время были опубликованы очень актуальные и интересные работы А.М.Двойнина, посвященные проблеме кризиса психологии. В статьях А.М.Двойнина [6; 7] подвергается сомнению распространенная в среде российских психологов оценка состояния мировой психологии как кризисного. Автор полагает, что кризисное переживание выражает собственные ощущения отечественного психологического сообщества. Сопоставляя методологические дискуссии о кризисе, идущие в отечественной и зарубежной психологии, автор раскрывает причины и факторы ощущения кризиса у российских психологов, делая вывод, что за ощущением кризиса в психологической науке у российских психологов стоит кризис их идентичности. Автор полагает, что мировая психология не находится во внутринаучном кризисе и предлагает при диагностике состояния современной психологии использовать вместо метафоры «кризис» другие оценочные инструменты [7]. Утверждается, что психология как культурная деятельность определенных научных сообществ втянута в мировые глобальные культурные и цивилизационные процессы, которые характеризуются в настоящее время как кризисные. Автор утверждает, что молодое поколение российских ученых менее подвержено переживанию кризиса идентичности, чем старшее. Согласно А.М.Двойнину, условием преодоления кризиса идентичности выступает содержательный диалог старшего и младшего поколений отечественных психологов о методологических проблемах психологии [6].

Говоря о кризисе, прежде всего, следует акцентировать два момента.

Первый состоит в том, что кризис не стоит расценивать как негативное явление. Навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (в первую очередь, для самих себя), что психология пока что несовершенна. Если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это не должно расцениваться как ее недостаток. Наоборот, кризис означает, что психологическая наука на верном пути.

Второй. Конечно, переживание кризиса происходит в сознании психолога, он субъективен. В этом А.М.Двойнин, конечно, прав. Важно подчеркнуть, что это именно состояние, а состояние субъективно, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием. И разные переживания отечественных и зарубежных ученых имеют место.

Психологи любят слово «кризис»: это не только важный предмет исследований возрастных, медицинских, социальных, организационных и др.

психологов. Психологи едва ли не обожают описывать этим термином состояние их науки. Если за дату возникновения научной психологии принять 1874 год, когда был полностью опубликован труд В.Вундта, обосновавший «новую область в науке» [32], то придется признать: кризис сопровождал само рождение научной психологии. Дело в том, что в том же 1874 году другой психолог Ф. Brentano писал в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрастет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [4, С. 11]. Как мы увидим далее, это и есть главный симптом кризиса: психологий много, нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

Почему психологи, заинтересованные в развитии своей науки, так любят этот термин? Представляется, что ответ прост. Греческое слово “кризис” (krisis – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса”, “резкий, крутой перелом”. Иными словами, кризис – термин оптимистический: имплицитно представляется, вот пройдет кризис и все будет по-новому, все будет лучше. Поэтому любовь к термину “кризис” означает всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем. А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации.

Представляется, что в дискуссиях о кризисе в современной психологии очень много «методологических эмоций» (А.В.Юревич), которые осложняют объективное рассмотрение вопроса. Обратим внимание на некоторые, существенные, на наш взгляд, моменты.

1. Не стоит воспринимать кризис, подчеркнем еще раз, как негативное явление. Кризис совсем не означает отсутствия прогресса или иных достижений. Уже упоминалось о том, что констатация кризисного состояния - в соответствии с этимологией - может рассматриваться не только как “резкий, крутой перелом”, но и как “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса” (например, как родовая травма, которая не преодолена до сих пор). Поэтому стоит акцентировать, что, если рассматривать кризис как долгие

поиски подлинного предмета науки, то это никоим образом не должно расцениваться как ее недостаток.

2. В российской психологии является традицией рассматривать методологию на исторической основе, как содержательную методологию. Поэтому значительно более вероятно использование терминологии, связанной с кризисом, именно в отечественной психологической науке. Более редкое использование кризисной терминологии в зарубежной психологии в данном случае не должно вводить в заблуждение. Нам представляется, что это связано с некоторыми особенностями российской ментальности - стремлением непременно «дойти до самой сути», а не довольствоваться прагматическими следствиями.

3. Представляется, что когда мы говорим о кризисе, не стоит воспринимать его упрощенно и уплощенно. В известном исследовании [29] было убедительно показано, что кризис (впрочем, как и практически все в психологии) имеет сложное строение, носит системный характер. Не подлежит сомнению, что для понимания кризиса важно учитывать, что существуют социальные и когнитивные его составляющие [29].

Обратим внимание на то, что, на наш взгляд, чрезвычайно перспективно изменить понимание смысла кризиса. Не будем здесь развивать эту тему – лишь анонсируем ее. Согласно новым изысканиям, у термина кризис есть еще одно значение – юридическое. Представляется, что оно наиболее перспективно. «Суд по-гречески – *krisis* (от слова *krino*, означающего, если исходить из этимологии, «разделять, разрешать»). Помимо юридической составляющей, в этом термине также сходятся медицинское значение (*krisis* как решающий момент в развитии болезни, когда врач должен «рассудить», выживет ли больной или умрет) и теологическое значение (Страшный суд: *en emeraí kriseos*, «в Судный день» - это предостережение несколько раз слетает с уст Иисуса в Посланиях Павла: *en emeraí ote krinei*, «в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить» Рим 2:16) [2, С. 8].

Впрочем, это сюжет для специальной работы.

Есть длительная традиция постановки кризиса и различных его трактовок. Мы не будем здесь их рассматривать, обратим внимание на одну важную деталь. Когда обсуждается проблема кризиса в психологии, обычно повышенную активность проявляют представители академической науки. Это вполне естественно, так как кризис, прежде всего, ассоциируется с отсутствием единства в науке, множественностью подходов и т.п. Про кризис будут говорить явно не все представители научного сообщества. Среди академических психологов часть будет поддерживать идею кризиса, другая

часть будет наличие кризиса яростно отрицать. В психологии явный дефицит социологических исследований: в социологии психологии, за которую так ратовал А.В.Юревич, до сих пор очень много белых пятен. Можно предположить, что сторонниками идеи кризиса выступят те исследователи, которым можно счесть «романтиками». Романтики это те, кто помнят про высокое предназначение психологии, про уникальность предмета этой науки. Как можно полагать, классики, подобных чувств не испытывающие, не склонны считать, что какие-то кризисы есть. В их исследованиях все благополучно, инструменты работают, результаты обобщаются, выводы всегда адекватны поставленным целям и задачам.

Напомним, согласно А.Р.Лурии, классические ученые — это те, которые рассматривают явления последовательно по частям. Шаг за шагом они выделяют важные единицы и элементы, пока, наконец, не сформулируют некие абстрактные общие законы. Затем эти законы рассматриваются как сила, управляющая явлениями в изучаемой области. Один из результатов такого подхода — сведение живой действительности со всем ее богатством деталей к абстрактным схемам. Свойства живого целого при этом теряются, что побудило Гете написать: «Ведь каждая теория сера, но зеленеет вечно древо жизни» [11]. Иными чертами, подходами и стратегией отличаются романтические ученые. Они не идут по пути редукции реальности к абстрактным схемам, что является руководящей идеей классической группы. Романтики в науке не хотят ни расчленять живую реальность на ее элементарные компоненты, ни воплощать богатство конкретных жизненных событий в абстрактных моделях, которые теряют свойства самих явлений. Величайшее значение для романтиков имеет сохранение богатства конкретных событий как типовых, и их привлекает наука, сохраняющая это богатство [11].

В мире практической психологии все более однозначно. Представителям практико-ориентированной психологии метафора кризиса явно не кажется актуальной и близкой: практическая психология никогда не представляла собой единого движения — напротив, существовало множество различных направлений, подходов, техник, приводящих к определенным результатам. Для практико-ориентированной психологии не предполагается единства (даже в самых смелых мечтах), поэтому идеи кризиса в ее пространстве быть не может.

Стоит отметить, что времена меняются. Увы, в нашей психологии изменение настроений исследователей тоже не отслеживается, а такие изменения представляют значительный интерес, ибо помогают понять внутреннюю «кухню» науки. Так для темы нашего обсуждения стоит напомнить, что мы живем в особую пору. Как когда-то (однако, уже пятнадцать

лет прошло) пронизательно заметил В.М.Аллахвердов, «пришла методологическая пора – психология, отворяй ворота» [1]. В пространстве академической психологии устойчиво складывается традиция концептуализации: многие не довольствуются констатацией того, что положение кризисное – они идут дальше, обосновывая, почему именно так должно быть. В этом отношении мы видим существенное изменение ориентации исследователей – если в двадцатые годы прошлого столетия, когда констатация кризиса была едва ли не «общим местом», вслед за постановкой диагноза неизменно следовала более или менее развернутая программа выхода из кризиса, сейчас в моде объяснения: авторы обосновывают сложившееся положение вещей, выражая этим «законность» кризиса.

Важно подчеркнуть, что в условиях наступившей методологической свободы и вседозволенности понятно: каждый волен выражать свое мнение, каким бы оно ни было. Правда, особенно тревожно то, что многие психологи – не хочется считать их дальновидными – в нынешних условиях нестабильности, о которых уже было сказано, пытаются обосновать «справедливость» сложившегося положения. Дело в том, что ориентируясь на статус психологии «в нижней части иерархии» (об этом см. ниже), авторы обосновывают тезис о том, что психология это вообще не наука, а лишь совокупность отдельных подходов, набор разных технологий и пр. В частности, можно услышать, что: название «психология» не выражает современного состояния этой научной области; полноценной науки о психике в 21 столетии так и не появилось; пройденный психологией исторический путь во многом случаен и гордиться там нечем; прошлое психологической науки недостойно, чтобы на него ссылаться и к нему апеллировать; психологии, как единой дисциплины не существует; в психологии имеется лишь множество различных исследовательских подходов, фактически, не связанных между собой и т.п.

Никоим образом не покушаясь на свободу высказывания мнений, хочется предостеречь: механизм самоосуществляющихся прогнозов (по Р.Мертону (Merton, 1949)) еще никто не отменял: в конечном счете, происходит то, во что люди верят и что они ожидают.

Когда обсуждается проблема кризиса в психологии, обычно повышенную активность проявляют представители академической науки. Это вполне естественно, так как кризис, прежде всего, ассоциируется с отсутствием единства в науке, множественностью подходов и т.п. При этом характерно, что представителям практико-ориентированной психологии метафора кризиса явно не кажется актуальной и близкой: практическая психология никогда не представляла собой единого движения – напротив, существовало множество

различных направлений, подходов, техник, приводящих к определенным результатам. Для практико-ориентированной психологии не предполагается единства (даже в самых смелых мечтах), поэтому идеи кризиса в ее пространстве быть не может.

В этом смысле очень полезно иметь позитивный сценарий развития событий. Вспомним, что само объявление психологии самостоятельной дисциплиной было во многом декларативным. Вундт обосновал самостоятельность лишь для физиологической психологии. Научное сообщество признало вундтовское обоснование, надеясь, что ситуация изменится в самом ближайшем будущем. Вновь проявилось нетерпение, о котором мы уже упоминали в этой статье. Вряд ли рождение науки сопоставимо с рождением человека – день рождения в первом случае, скорее всего, просто условность. Замечательный историк психологии М. С. Роговин, в частности, отмечал: «Мы полагаем, что неправильным было бы пытаться наметить какую-то определенную дату, начиная с которой могли бы рассматривать психологию как самостоятельную науку. Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению» [25, С. 96].

Другой классик – С.Л. Рубинштейн – в 1940 году отмечал: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» [2 С. 70]. Нельзя не согласиться и с другим высказыванием С.Л.Рубинштейна из процитированной работы: «История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения» [2 С. 68]. Хотя с тех пор прошло много времени, опубликовано огромное число работ, ситуация принципиально не изменилась.

Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на глубокую и, как представляется, не оцененную мысль С.Л.Рубинштейна. Может быть, она осталась не замеченной потому, что, будучи опубликованной в далеком 1940 году, пришлась на ту пору, когда было не до методологии – началась война. А когда работа была переиздана, в 1973 году, все посчитали, что все уже закончено, «система психологии» оформилась, да и с подлинно научной

методологией все в порядке: философия диалектического и исторического материализма представлялась тогда учением, которое и всеильно и верно.

В те же семидесятые годы в книге «Деятельность. Сознание. Личность» (1975) признанный лидер советской психологии А.Н.Леонтьев писал о кризисе мировой психологической науки: «Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественнонаучную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии» [10, С. 3]. Понятно, что речь идет о мировой психологии – отечественная имеет свою судьбу: «По совершенно другому пути шло развитие советской психологической науки. Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека» [10, С. 4]. Как писал А.Н.Леонтьев, «мы все понимали, что марксистская психология - это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться» [10, С. 5].

Но мы отвлеклись, вернемся к анонсированному высказыванию С.Л.Рубинштейна. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, ко-торый выделил Энгельс для всей истории науки; вторая - ко времени оформления экспериментальной физио-логической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» [26, С. 77].

Как нам представляется, ключевым моментом в данном высказывании – глубоком и верном – является следующее: «когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией».

Итак, сформулируем наш вывод. Психология еще не стала самостоятельной наукой в полном смысле, система психологии пока еще не

сложилась. Вывод Рубинштейна, который он сделал в 1940 году, справедлив и сегодня. Подлинно научная методология появится только тогда, когда будет определен предмет психологии, и это понимание предмета будет соответствовать современным требованиям. Утверждаем, интерпретируя мысль классика отечественной психологии, что третья «вершинная точка» еще не достигнута. Следовательно, реляции о научной и самостоятельной психологии были несколько преждевременными. Как нам уже приходилось писать, феномен нетерпения в психологии наблюдается довольно часто. При высокой мотивации хочется достичь всего и сразу. Впрочем, шутки в сторону.

Таким образом, задачи – если, конечно, психология желает продолжать двигаться по избранному пути – перед психологической наукой, согласно С.Л.Рубинштейну, встают следующие:

1. Оформить систему психологии.
2. Разработать совершенные методики исследования
3. Создать научную методологию.

Представляется, что психологии полезно знать, какие задачи стоят перед этой научной дисциплиной. Можно смело заключить, что в данных направлениях многое делается: во всяком случае, за прошедшие десятилетия пройден весьма значительный путь. В рамках этого текста, разумеется, нет возможности предпринять обзор достигнутого за прошедшие десятилетия. С нашей точки зрения, именно эти задачи пытался решить в первую очередь в своей эпохальной работе «Основы общей психологии» (1940) сам С.Л.Рубинштейн. Не случайно эта книга за три четверти века не утратила своего значения и популярности. По мнению многих преподавателей, это до сих пор лучший отечественный учебник по психологии...

Тем не менее, в полном объеме задачи, поставленные С.Л.Рубинштейном в 1940 году, до сих пор не решены. И они не могут быть решены, пока не будет достигнуто обязательное предварительное условие.

Это условие состоит в том, что в научной психологии – как она себя позиционировала – предмет психологии был задан слишком узко. Иными словами, в психологии представлена неадекватная трактовка предмета. Задачей настоящей статьи является демонстрация того, что реализация основного условия – пересмотра понятия предмет – позволит психологии существенно продвинуться в решении фундаментальных проблем.

Поскольку в рамках данного текста нет возможности предпринять историко-психологический анализ изменений взглядов на предмет, назовем лишь главные выводы. С нашей точки зрения, с момента декларативного выделения психологии (обоснование физиологической психологии было

предпринято, как мы помним, Вундтом в 1874 году, когда была опубликована полностью книга «Основания физиологической психологии») психология находится в кризисе. Вундтовская инициатива была поддержана научным сообществом и психология оформилась институционально. Внешняя сторона кризиса состоит в том, что отсутствует общее для всех «ядро научного знания», психология расколота на отдельные направления. Глубинный, внутренний смысл кризиса заключается в том, что цена, которую пришлось заплатить за самостоятельность, это неоправданные ограничения. В частности, это ограниченное, зауженное понимание предмета. Практически все неразрешенные до сих пор методологические проблемы коренятся в неадекватно понимаемом предмете психологии.

Можно смело утверждать, что кризис на глубинном уровне не преодолен до сих пор. Не стоит относиться к слову «кризис» негативно. Есть смысл рассматривать методологический кризис как реакцию психологического сообщества, выражающую неудовлетворенность его членов тем, как решает проблемы психология [16; 21; 22].

В настоящее время совершенно очевидно, что необходимо обратить пристальное внимание на проблему предмета психологической науки. Как представляется, от правильного решения именно этого важного методологического вопроса зависят и ближайшие перспективы психологии, и ее общие стратегические устремления.

Вся история психологии представляет собой поиски предмета психологии. Теоретический анализ предмета предполагает в первую очередь выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики. Представляется, что речь может идти о следующих функциях [14; 19; 20]:

1. Конституирование науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других.

2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрпредметных соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.

3. Обеспечение функции предметного «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов.

Назовем основные характеристики предмета [14; 19; 20]:

1. Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешне простому, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развёртывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Представляется очевидным, для осуществления этих функций требуется не формальное определение предмета как идеи, а совокупное содержание – то, что мы называем совокупным предметом [12]. По нашему мнению, предметом научной психологии целесообразно считать внутренний мир человека. Может показаться, что в такой трактовке предмета ничего принципиально нового нет, и она уже встречалась в истории психологической науки. Здесь не место для исторического экскурса о трактовках предмета психологии в историческом аспекте. Оставим разработку этого сюжета для отдельной работы. Здесь же подчеркнем, что приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В.Д.Шадрикову [27]. Он же предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта предмет психологии [27]. Рассматривать внутренний мир человека в качестве предмета психологии предлагалось также в учебнике «Общая психология» [28]. Отметим, что в этом издании идея не была реализована сколь-нибудь полно, поскольку содержание курса общей психологии излагалось в традиционном ключе.

Согласно В.Д.Шадрикову, внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, которую можно рассматривать как душу человека в ее научном понимании [27]. В.Д. Шадриков комментирует стратегию исследования внутреннего мира. При рассмотрении внутреннего мира как целостной субстанции необходимо постоянно иметь в виду его компоненты, в качестве которых выступают: мотивация, эмоции и

чувства, воля, содержание психики, определяемое бытием человека. В целях более глубокого понимания сущности внутренней жизни изучаются компоненты внутреннего мира, как части целого. Показывается их место в структуре внутреннего мира, раскрывается динамика развития. Особое внимание уделяется взаимным связям и взаимопроникновению компонентов, благодаря чему и формируется целостный внутренний мир. На основе изучения мотиваций, эмоций и чувств, воли, раскрывается процесс формирования личностных качеств, которые проявляются как устойчивые формы поведения. Показываются механизмы включения личностных качеств в динамику внутренней жизни человека [27].

Был подготовлен и издан учебник для психологов и студентов гуманитарных направлений и специальностей [28]. При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. Особенно стоит подчеркнуть, что данный вариант презентации понимания предмета представляется достаточно конструктивным. В учебнике предмет «внутренний мир человека» не только декларирован, но и максимально эксплицирован: из дидактических соображений максимально полно представлена внутренняя архитектура предмета. Отметим, что это, как ни удивительно, новый для психологии способ определения предмета. Поясним этот тезис, который может показаться сомнительным. Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет, в дальнейшем рассмотрении заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет. Единицу изучать проще, но эта простота оказывается очень коварной: вместе с совокупным предметом, подлежащим изучению в полном объеме, из психологии уходит возможность глубже понять психическое. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет – психе как целое – который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера становится реальным – объяснять психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Поскольку в этих текстах достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией, можно

ограничиться лишь несколькими характеристиками. Действительно, в тексте «Общей психологии. Академический курс для бакалавров» [28] содержится развернутое содержание трактовки предмета психологии и терминологического аппарата, позволяющего выполнить наиболее значимые расчленения внутри последнего.

Хочется сделать еще пару замечаний методологического плана, связанных с вопросом о предмете психологии. Вопросы, связанные с изменением трактовки предмета психологии, обычно воспринимаются как «революционно-перестроечные». Обратим внимание на то, что в нашем случае ничего подобного не происходит: никаких манифестов, никаких ниспровержений не предусмотрено. Более того, трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека, подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере, со средних веков утверждает, что душа (психика) есть простая вещь, познающая себя и другие вещи. Удивительно, но психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению. Отсюда, кстати, следует, что неявно предполагается, что метод изучения тоже должен быть простым. Нам это также представляется недоразумением и анахронизмом: очевидно, что мир сложен, поэтому и методы его исследования используются разные – в зависимости от того, какая часть мира исследуется. Поэтому, говоря о методах, стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы как из арсенала естественнонаучной психологии, так и из обихода герменевтических методов.

В учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой — независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология [28].

Хотелось бы обратить внимание на несколько моментов.

Первое. Итак, в статье предлагается пересмотр предмета психологии. В соответствии с вышеизложенным в качестве предмета психологии понимается внутренний мир человека. Обратим внимание, что изменение трактовки предмета психологии это не просто словотворчество. Многие психологи сегодня искренне полагают, что трактовка предмета психологии не имеет существенного влияния на жизнь науки: те или иные конкретные исследования проводятся, исходя из понимания предмета данного конкретного исследования. Предмет исследования и предмет науки не совпадают. Поэтому изменение понимания предмета науки, полагают они, не оказывает реального влияния на предмет конкретного исследования. Кстати, можно увидеть большое количество учебников по психологии, где о предмете определенно говорится только в первой главе, а содержание всех остальных с трактовкой предмета практически никак не связано. Выбор адекватного предмета имеет решающее значение, как для успешности конкретного исследования, так и для самоопределения науки в целом. С нашей точки зрения, это важный шаг, имеющий большие последствия, существенно перестраивающий представление об общей психологии.

Второе. Обычно в ответ на предложения изменения трактовки предмета следует стандартная реакция в виде предложения определить это понятие. Определение В.Д.Шадрикова было приведено выше. По нашему мнению, давать определение внутреннему (или внешнему) миру – занятие малоперспективное. Вспомним классика психологии В.П.Зинченко, который писал: «У меня хватает чувства юмора, чтобы не определять душу. Более того, едва ли возможно ее определение. Это не столько понятие, сколько некоторый культурный концепт» [8, С. 34]. Последуем примеру классика. В конце концов, у нас есть архитектура внутреннего мира и представления о том, как ее исследовать.

Третье. Мир, как мы уже отмечали, сложен. И вряд ли един, как впрочем, и внешний мир. Поэтому стоит быть готовым к тому, что в рамках внутреннего мира представлены разные механизмы. Вряд ли мы поймем ощущения без использования понятия отражение. Но это никоим образом не означает, что вся остальная психическая жизнь тоже отражение. Вспомним, что уже Аристотель отмечал, что «мыслить – это во власти самого мыслящего, когда бы оно ни захотело помыслить; ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое» [3, С. 407]. Надо полагать, что и механизмы этих процессов различны. Вряд ли стоит распространять принцип отражения на все. Отражение несомненно имеет место в области чувственного

познания, создавая чувственную ткань, но мы знаем, что уже на уровне восприятий сталкиваемся с заметным «обратным влиянием», когда внутренний мир фактически организует перцепцию. И самое последнее. Внутренний мир сложен, поэтому естественно, что для его исследования требуются разные методы. В общем виде – несомненно, что необходимо сочетание различных методов.

Четвертое. Как представляется, новое понимание предмета психологии позволяет преодолеть неразрешимые трудности в объяснении психического. Этот тезис нуждается в пояснении. Дело в том, что традиционная трактовка предмета делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому в той или иной форме. Почему так происходит? Ответ прост. Трактовка предмета как внутренне простого предполагает использование именно причинно-следственного объяснения. Специфика причинного объяснения прекрасно показана в работах замечательного отечественного философа Е.П.Никитина. Существенно, что сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Представляется полезным вспомнить гносеологическую характеристику причинного объяснения. Е.П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения следующим образом: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто «пассивное», «страдательное», произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а «со стороны», посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта «извне», через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обуславливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» [24, С. 88-89]. Таким образом, «активное функционирование объекта» не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» не осуществляется (что, заметим, является важнейшей задачей, в частности, психологической науки). Отсюда становится понятным, что источник активности психики «обнаруживается» в физиологии, социологии, логике и проч. – в зависимости от склонности использовать тот или иной тип редукции. По нашему глубокому убеждению, продуктивен тот подход, который видит источник активности психики в ней самой.

В данной работе мы остановились на наиболее важной первоочередной задаче – формировании нового представления о предмете. Продвижение в этом направлении позволит перейти к следующим: широкомасштабной интеграции психологического знания и установлению взаимодействия между академической и практико-ориентированной психологиями. Описание действий на этих этапах будет представлено в специальных работах.

Список литературы:

1. Аллахвердов В.М. Пришла методологическая пора — психология, отворяй ворота! // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 154-157.
2. Агамбен Дж. Пилат и Иисус / Пер. с итал. М. Лепиловой; послесл. А. Скидана. М.: Grundrisse, 2014.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976.
4. Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996.
5. Брехт Б. Избранное. М., 2003.
6. Двойнин А.М. Кризис в психологии или внутри нас самих? // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 45-54.
7. Двойнин А.М. Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94-107.
8. Зинченко В.П., Подорога В.А. О человеческой душе и плоти // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 34-43.
9. Ланге Н.Н. Психология // Итоги науки в теории и практике. Т.8. М.: Изд-во т-ва "Мир", 1914.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
11. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. М., 1982
12. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017.
13. Мазилев В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998. С. 140-173.
14. Мазилев В.А. Психология: кризис в науке // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. / Сб. под ред. В.В.Козлова. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. С. 12-46.
15. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
16. Мазилев В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007.

17. Мазиллов В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998, С. 140-173.
18. Мазиллов В.А. Кризис современной психологии // Феномены личности и группы в изменяющемся мире: Материалы научно-практической конференции. Ч.1. Кострома: КГПУ. 1998. С.71-74
19. Мазиллов В.А. Психология: кризис в науке // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. / Сб. под ред. В.В.Козлова. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. С. 12-46.
20. Мазиллов В.А. Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии / Под ред. В.В.Новикова, И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль: МАПН, 2004. С. 207-225.
21. Мазиллов В.А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 87-96.
22. Мазиллов В.А. Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН, 2008.
23. Мазиллов В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1. 2006. С. 55-72.
24. Никитин Е. П. Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.
25. Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
26. Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 68-90.
27. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга, 2005.
28. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
29. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-12
30. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
31. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
32. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

References:

1. Allahverdiv V.M. Prishla metodologicheskaja pora — psihologija, otvorjaj vorota! // Voprosy psihologii. 2002. № 4. S. 154-157.
2. Agamben Dzh. Pilat i Iisus / Per. s ital. M. Lepilovoj; poslesl. A. Skidana. M.: Grundrisse, 2014
3. Aristotel'. Sochinenija: v 4 t. T. 1. M. : Mysl', 1976.
4. Brentano F. Izbrannye raboty. M.: Dom intellektual'noj knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1996.
5. Breht B. Izbrannoe. M., 2003.
6. Dvojnin A.M. Krizis v psihologii ili vnutri nas samih? // Voprosy psihologii. 2016. № 1. S. 45-54.
7. Dvojnin A.M. Krizis v psihologii ili krizis identichnosti rossijskih psihologov? // Psihologicheskij zhurnal. 2015. T. 36. № 6. S. 94-107.
8. Zinchenko V.P., Podoroga V.A. O chelovecheskoj dushe i ploti // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2005. № 1. S. 34-43.
9. Lange N.N. Psihologija // Itogi nauki v teorii i praktike. T.8. M.: Izd-vo t-va "Mir", 1914.
10. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975.
11. Lurija A.R. Jetapy projdennogo puti. M., 1982
12. Mazilov V.A. Metodologija psihologicheskoy nauki: istorija i sovremennost'. Jaroslavl': JaGPU, 2017.
13. Mazilov V.A. Psihologija: shizofrenija kak i bylo skazano // Psihotehnologii v social'noj rabote / Sb. pod red. V.V. Kozlova Jaroslavl': MAPN, 1998. S. 140-173.
14. Mazilov V.A. Psihologija: krizis v nauke // Psihotehnologii v social'noj rabote. Vypusk 9. / Sb. pod red. V.V.Kozlova. Jaroslavl': MAPN, JarGU, 2004. S. 12-46.
15. Mazilov V.A. Teorija i metod v psihologii. Jaroslavl': MAPN, 1998.
16. Mazilov V.A. Metodologija psihologii. Jaroslavl': MAPN, 2007.
17. Mazilov V.A. Psihologija: shizofrenija kak i bylo skazano // Psihotehnologii v social'noj rabote / Sb. pod red. V.V. Kozlova Jaroslavl': MAPN, 1998, S. 140-173.
18. Mazilov V.A. Krizis sovremennoj psihologii // Fenomeny lichnosti i gruppy v izmenjajushhemsja mire: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Ch.1. Kostroma: KGPU. 1998. S.71-74
19. Mazilov V.A. Psihologija: krizis v nauke // Psihotehnologii v social'noj rabote. Vypusk 9. / Sb. pod red. V.V.Kozlova. Jaroslavl': MAPN, JarGU, 2004. S. 12-46.

20. Mazilov V.A. Nauchnaja psihologija: problema predmeta // Trudy Jaroslavskego metodologičeskogo seminar. Tom 2: Predmet psihologii / Pod red. V.V.Novikova, I.N.Karickogo, V.V.Kozlova, V.A.Mazilova. Jaroslavl': MAPN, 2004. S. 207-225.
21. Mazilov V.A. Psihologija akademičeskaja i praktičeskaja: Aktual'noe sosušhestvovanie i perspektivy // Psihologičeskij žurnal. 2015. T. 36. № 3. S. 87-96.
22. Mazilov V.A. Integracija psihologičeskogo znanija. Jaroslavl': MAPN, 2008.
23. Mazilov V.A. O predmete psihologii // Metodologija i istorija psihologii: Nauchnyj žurnal. T.1. Vyp. 1. 2006. S. 55-72.
24. Nikitin E. P. Objasnenie – funkcija nauki. M.: Nauka, 1970.
25. Rogovin M. S. Vvedenie v psihologiju. M.: Vysshaja škola, 1969.
26. Rubinshtejn S.L. Filosofskie korni jeksperimental'noj psihologii // Rubinshtejn S.L. Problemy obshhej psihologii. M.: Pedagogika, 1973. S. 68-90.
27. Shadrikov V.D. Mir vnutrennej žizni čeloveka. M.: Universitetskaja kniga, 2005.
28. Shadrikov V.D., Mazilov V.A. Obshhaja psihologija. Učebnik dlja akademičeskogo bakalavriata. M.: Jurajt, 2015.
29. Jurevich A.V. Sistemnyj krizis v psihologii // Voprosy psihologii. 1999. № 2. S. 3-12
30. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
31. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
32. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

Сведения об авторе:

Мазил **Владимир Александрович**, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)